

Кротков Владимир Олегович

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ В ПЕРИОД ФЕДЕРАЛЬНОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА 2011-2012 ГГ

В статье рассматривается характер коммуникаций общества и власти, который при определенных политических условиях (федеральный электоральный цикл) и усугубляющихся общественных противоречиях детерминирует протестные выступления преимущественно обеспеченных слоев населения в адрес как самих политических институтов, так и высших должностных лиц страны, их олицетворяющих, что приводит к временной реконфигурации социально-политических отношений в рамках сложившегося авторитарного порядка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-3/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. III. С. 87-91. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**AGRICULTURE TEACHING IN TEACHERS' CHURCH SCHOOLS OF RUSSIA
AT THE END OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY**

Krasnitskaya Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Ivanovo State University (Branch) in Shuya
krasniz_t@mail.ru

The author discusses the problem of agriculture teaching as an additional subject in teachers' church schools in Russia at the end of the XIXth – the beginning of the XXth century, and considers the process of the rules development of agriculture introduction into Orthodox schools' curriculum, the conditions and mechanism of this course introduction, the specificity of its teaching, the degree of its prevalence in schools, and the reasons preventing this phenomenon.

Key words and phrases: church schools; teachers; schools; second-form schools; teachers' church schools; agriculture; agriculture teaching.

УДК 23

Политология

В статье рассматривается характер коммуникаций общества и власти, который при определенных политических условиях (федеральный электоральный цикл) и усугубляющихся общественных противоречиях детерминирует протестные выступления преимущественно обеспеченных слоев населения в адрес как самих политических институтов, так и высших должностных лиц страны, их олицетворяющих, что приводит к временной реконфигурации социально-политических отношений в рамках сложившегося авторитарного порядка.

Ключевые слова и фразы: власть; общество; коммуникации; электорат; политическое участие; оппозиция; политические партии; политический режим.

Кротков Владимир Олегович, к. полит. н.

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
vladimir-k-78@mail.ru

**ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ
В ПЕРИОД ФЕДЕРАЛЬНОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА 2011-2012 ГГ.®**

Анализируя социальные процессы и явления, необходимо затронуть аспект, связанный с их эволюцией, который получил отражение в различных теориях и концепциях. Согласно Г. Спенсеру, общество можно сравнить с биологической системой, которая в своем развитии проходит различные стадии, от младенчества до зрелости. Данный взгляд покоится на стадийно-поступательном развитии социума, что не бесспорно, особенно в новейшее время применительно к различным странам и регионам. Иной методологический подход предложил Т. Парсонс – системную модель общества. Он изучал метаморфозы внутри системы, называя их социальными изменениями. С его точки зрения состояние (равновесие, устойчивость и т.д.) социальной системы можно определить во временном контексте. То есть что было в начале и стало в конце наблюдений. Исследователь изменения самой общественной системы в основном связывал с этапами взаимоотношений между различными социальными группами.

В дальнейшем происходила трансформация научного анализа, т.е. отход от социальной системы как единого объекта к интерпретации общества в виде различных социальных полей. Редукционизм в исследовании социальных процессов, связанный с дихотомией статика-динамика, в большей степени ушел на задний план, уступив дорогу процессуальной парадигме в изучении социальной реальности. В данном контексте следует говорить о скорости, ритмах, интенсивности, колебаниях в общественных отношениях, которые обуславливают диахроническую перспективу. Значение социальных полей, их динамика, коммуникации, статусы – это тот инструментарий, который носит на сегодняшний день актуальный характер. К примеру, в анализе социума XXI века важна роль активного меньшинства, нежели структура, значение пассивного большинства. Рамки проблемного поля расширяются, что заставляет в большей степени говорить о социокультурном контексте, который обуславливает артикуляцию интересов, легитимизацию политической элиты, институционализм как процесс, а не как структуру с регламентированным набором функций. Все это детерминирует пересмотр привычных ролей, которые присущи различным должностным лицам, принимающим ключевые политические решения. К примеру, в период российского электорального цикла 2011-2012 гг. президент России встречался с лидерами несистемной оппозиции, с которыми до этого даже чиновники среднего звена не думали вести какой-либо диалог. Такого уровня политические встречи и коммуникации в рамках авторитарного порядка,

безусловно, стали «месседжем» для иных влиятельных акторов социально-политической системы, так как более низкий эшелон власти очень чутко реагирует на любые изменения, происходящие на самом «верху».

Затрагивая социально-политические реалии, следует отметить, что российское общество 2000-х гг. не соответствовало ни западному индивидуализму, порождающему солидарные практики, ни восточному коллективизму, покоящемуся на родоплеменных, общинных, религиозных детерминантах, а находилось в атомизированном состоянии, что порождало низкий уровень его институционализации, крайне слабые коллективные практики в отстаивании своих интересов. Можно говорить о многовековой российской традиции, которая, в смысле социальной самоорганизации, находится, в том числе и в XXI веке, на очень низком уровне развития.

Несмотря на российскую экономическую стабильность, благоприятную мировую сырьевую конъюнктуру начала XXI века десятки миллионов граждан страны (большинство) можно причислить к нищим и бедным слоям (соотношение средних пенсий, пособий, заработных плат с ценами на товары первой необходимости и коммунальные услуги). Хроническое материальное неблагополучие населения при отсутствии коллективистских, солидарных начал порождает патерналистское, конформистское сознание (особенно в малых городах и сельской местности), что не способствует формированию гражданских инициатив, переходу от подданнической к партиципаторной политической культуре. Средний класс (15-20% граждан), имеющий доходы европейского уровня, в основном сконцентрированный в крупных городах, как и большинство общества в начале и середине 2000-х гг., выражал лояльность правящим кругам (за исключением редких и локальных, точечных акций протеста – обманутые дольщики, автомобилисты и т.д.). В то же время «потенциальную базу революции в России, – как отмечает В. Д. Соловей, – составляет средний класс. Триггером его мобилизации может стать угроза личным и групповым интересам, т.е. в первую очередь экономические мотивы. Наиболее масштабные, радикальные и организованные акции протеста в России в 2009-2010 гг. прошли именно там, где были существенно задеты интересы среднего класса – во Владивостоке и Калининграде» [6, с. 42].

В целом сформировавшийся общественный договор между различными социальными группами и узурпировавшей власть элитой развивался в русле легитимизации последней, что не могло не привести к формированию устойчивого авторитарного порядка. Такой тип коммуникации привел к тому, что практически ничем не ограниченный «снизу» российский политический класс (опирающийся на колоссальные экономические и гипертрофированные властные ресурсы) развивался во многом параллельно социально-групповой реальности, в рамках которой формировались интересы, принципиально отличающиеся от интересов «верхов». Относительно узурпации высшей политической власти следует привести данные, которые были отражены в статье И. М. Клямкина, М. А. Краснова, Л. Ф. Шевцовой: «С момента принятия в 1993 году нынешней Конституции три российских президента получили 502 новых полномочия: 165 получил Ельцин, 226 – Путин и 111 – Медведев. Причем среди них с конституционной точки зрения много сомнительных, а то и просто не соответствующих Конституции. На время правления Ельцина таких приходилось 41, Путина – 108, Медведева – 51. Закрепленная в Основном законе монополярная власть тяготеет к экспансии, которую некому остановить» [4, с. 3].

На протяжении 2000-х гг. властно-общественный контракт соответствовал характеристикам стабильности и невмешательства в условиях авторитаризма, так как даже формальные плебисцитарные механизмы – выборы глав исполнительной власти субъектов федерации – были упразднены. Но отечественный авторитарный политический режим (персоналистский по своему подтипу) в лице высшей политической элиты, опирающейся на сырьевой экономической базис, масштабную коррупционную практику, патронажно-клиентелистские практики и девальвировавшие политические институты, не может гибко и эффективно реагировать на внутренние и внешние вызовы, которые, в случае с Россией, начали проявляться. К внешним факторам дестабилизации можно отнести как мировой экономической кризис 2008 г., в результате которого российские финансовые резервы резко сократились, так и события, связанные с арабской весной 2011 г., ставшие примером технологий, позволяющих свергать диктаторов без создания демократического порядка.

Более значимыми оказались внутренние факторы, а именно: беспорядки на Манежной площади в Москве, устроенные молодежными нацистскими группировками, которые, конечно, не изменили властно-управленческий баланс в стране, но показали, что «вертикаль власти» в целом и ее силовой блок в частности уязвимы. В результате этого локального политического демарша первые лица страны начали в авральном режиме гармонизировать межнациональные отношения. Еще одним знаковым вызовом, произошедшим в сентябре 2011 г., стала публичная рокировка членов высшего политического тандема на съезде партии власти. Данный механизм «ротации» элит показал всему обществу, что ни только региональные выборы не целесообразны, но и президентские, т.е. власть артикулировала в адрес общества свое итоговое решение относительно будущего правителя России. Оперативной реакции «снизу» на вышеописанные события не последовало, так как обществу, находящемуся в состоянии аномии, нужны были дополнительные поводы, мотивы и факторы. И они сразу последовали в виде федерального электорального цикла 2011-2012 гг. Парламентские выборы декабря 2011 г. стали катализатором протестных действий и показали, что даже абсолютный административный ресурс, имевшийся у политической элиты, конституированной вокруг партии «Единой России», не сработал в той степени, как это можно было наблюдать в течение 2000-х гг. В результате партия власти потеряла существенную поддержку населения и лишилась квалифицированного большинства в нижней палате федерального парламента.

Параллельно в период электорального цикла резко обострился кризис субъектности. Плановое искусственное (административное и законодательное) сокращение числа политических партий, групп влияния в 2000-х гг. привело к тому, что серьезного противовеса, конкурентов у высшей властной группировки с ее партийной составляющей в предвыборный период просто не оказалось. Системная (парламентская) оппозиция

в глазах социально и экономически активной, думающей части общества перестала рассматриваться как реальная альтернатива проводившемуся социально-политическому и экономическому курсу, носящему деструктивный характер. Но это не только субъективная проблема для КПРФ, Справедливой России, ЛДПР, но и их объективное положение, то есть электорально-политическое гетто, из которого вырваться в плане расширения своего влияния практически невозможно, так как реальная альтернатива – пополнение рядов уличной несистемной фронды. Анализируемый процесс привел к тому, что в 2011 г. произошло изменение в границах социально-политических полей, т.е. возникший снизу абсолютно стихийный общественно-политический протест, территориально локализованный в первую очередь в границах двух столиц, который условно можно именовать «рассерженными горожанами», «борьбой креативного класса», «восстанием среднего класса» и носящий, согласно эксплицитным требованиям, в большей степени антисистемный характер (явно доминирующий негативный консенсус), реализовывался в тандеме с несистемной оппозицией, у которой целое десятилетие практически не было никакой социальной поддержки и которая играла роль абсолютно маргинального субъекта. Доминирующий социальный состав протестующих масс был выявлен, исходя из данных, полученных ведущими социологическими службами. «Интервьюеры ВЦИОМа опросили 600 участников митинга, сотрудники Левада-центра задали вопросы 791 пришедшему на манифестацию человеку. И в том, и в другом случае в сети социологов попали в большинстве своем высокообразованные мужчины (их было почти в два раза больше, чем женщин), занятые преимущественно в коммерческом секторе и добившиеся среднего или хорошего (по собственной оценке) уровня материального положения» [2, с. 7].

Такой сценарий развития событий не прогнозировался ни кем из аналитиков, политиков, экспертов, но объективные предпосылки именно таким образом детерминировали рассматриваемые события и канализировали их в «несистемное» русло, так как все (институты, процессы, правила, нормы), в том числе «оппозиционно-системное», перестало восприниматься меньшей частью среднего класса, которому есть что терять, как реальная альтернатива сложившемуся *status quo*.

Кризис субъектности 2000-х гг. не мог не детерминировать, особенно в период парламентско-президентских выборов, кризис участия, так как фактическое количество и влияние политических акторов было сведено практически к нулю. Несистемная оппозиция, не имеющая собственной партийно-институциональной основы (кроме партии «Яблоко»), согласно действующему на тот момент законодательству, не могла участвовать в парламентских выборах, т.е. была элиминирована, а вся системная оппозиция в лице парламентских партий, по сравнению с партией власти, не имела обширных информационных, кадровых, финансовых, административных ресурсов. Анализируемая ситуация отразилась в позиционировании кандидатов в депутаты Государственной Думы через средства массовой информации. А предвыборная ситуация начала 2012 г. в смысле реальной борьбы кандидатов за высший государственный пост в стране вообще ни каким образом не была связана с итогами выборов, так как они были абсолютно предсказуемыми. Соответственно, можно констатировать, что действия всех кандидатов в президенты России, кроме В. В. Путина, носили сугубо имитационный характер, что указывает на очевидный кризис участия, который, в свою очередь, обусловил определенный кризис легитимности политической власти. Еженедельные и ежемесячные социологические исследования ВЦИОМ наглядно показывали индексы доверия федеральным политикам, рассчитанные как разница между положительными и отрицательными оценками. В период с декабря 2011 г. по декабрь 2012 г. у премьер-министра и президента страны наблюдалось устойчивое падение индексов доверия. У В. В. Путина в обозначенный период с 50 до 28 пунктов, а у Д. А. Медведева за тот же период с 43 до 14 пунктов [7].

Конечно, отмеченная динамика не была связана с отрицательными значениями, но по сравнению с 2000-ми гг. можно отметить весьма устойчивый негативный тренд за достаточно продолжительный период времени.

На этом фоне мизерная, но активная часть урбанизированного среднего класса консолидировалась вокруг единственного маргинального политического субъекта – несистемной оппозиции – и вышла на улицы больших городов, чтобы выразить протест против фальсификаций на выборах и сложившейся системы власти. По справедливому мнению политолога А. Г. Караткевича, «отчуждение граждан от реального влияния на политические процессы приводит к тому, что граждане начинают объединяться на основе групповых норм» [3, с. 79].

С рубежа 2011-2012 гг. можно говорить об определенной реконфигурации социально-политических коммуникаций, так как высший политический класс выбрал стратегию реагирования на импульсы «снизу» и принял решение о диверсификации политических отношений в виде, прежде всего, законодательного снижения числа граждан (500 человек), имеющих право учредить политическую партию, перехода к выборам гражданами глав регионов. Помимо этого, кандидат в президенты России В. В. Путин в феврале 2012 г. анонсировал следующие шаги, которые готова осуществить власть: рассмотрение в парламенте общественных инициатив, которые соберут сто тысяч подписей и более в Интернете; установление четких пределов вмешательства государства в экономику; введение мониторинга эффективности деятельности высших должностных лиц различного ранга для информирования населения и др. В сложившейся политической обстановке В. В. Путин делал явный реверанс в отношении общества, отмечая следующее: «Мы предлагаем конкретные решения. Их практическая реализация делает власть народа – демократию – подлинной. А работу государства ставит на службу интересам общества» [5, с. 3].

Вышеописанные процессы и явления говорят о том, что кристаллизация социальных артикуляций (особенно в виде массовых акций протеста) приводит к множеству локальных точек бифуркации, которые могут при определенных обстоятельствах (к примеру, электоральный цикл национального масштаба, гуманитарная интервенция, резкий социально-экономический кризис) привести к существенным изменениям социально-

политического свойства. Возникший в 2011 г. социальный морфогенезис – создание новых движений, групп, социальных структур, лидеров, а также смыслов, образов, практик – на фоне предвыборной ситуации обусловил стремительный рост политической субъектности. Маргинальная несистемная оппозиция лево-правого идеологического толка, выводящая на улицы под свои пестрые знамена десятки, максимум сотни людей, за несколько месяцев стала заметной политической силой, т.е. ее уже маргинальной назвать было нельзя, как бы этого ни хотели официальные средства массовой информации. Это произошло благодаря многолетним действиям высшей политической элиты, которая зачистила от реальных оппозиционных субъектов политическое пространство и была удовлетворена уровнем собственной легитимности в период экономической стабильности. Но предвыборная ситуация 2011 г. послужила катализатором социального протеста и скоротечно привела к тому, что уже сам президент страны официально принимал у себя в резиденции лидеров радикальной оппозиции и выслушивал их позиции и требования. Что в последующем привело к либерализации партийного законодательства и частично всей политической системы. Все это говорит о конъюнктурной реконфигурации социально-политических коммуникаций в России 2011-2012 гг., обусловленной электоральным циклом на фоне новых социальных протестов в адрес политической власти.

Можно констатировать, что в конце 2011-2012 гг. в российской политике сложилась уникальная политическая обстановка, которой совершенно не воспользовалась несистемная оппозиция. Когда правящие круги были готовы идти на компромиссы и определенный диалог, представители радикальной оппозиции, вместо того чтобы сформулировать конструктивные и реалистичные предложения, в своей экзальтированной риторике добивались уничтожения всего режима, свержения В. В. Путина, опускались до уровня прямых личных оскорблений. Другими словами, позиционировали абсолютно грубо, непрагматично и бесперспективно, забывая о том, что с ними именно в тот момент было абсолютное меньшинство представителей общества, а не вся страна и даже не 9 миллионов человек, как в Польше в период популярности движения «Солидарность». Рассматриваемая неадекватная политическая конъюнктура артикуляция со стороны лидеров несистемной оппозиции не позволила им рекрутироваться в элиту и добиться какого-либо властно-управленческого влияния. Выдвигая абсолютно нереалистичные требования, лидеры непримиримой оппозиции дискредитировали себя, так как показали креативной части общества, что они даже в благоприятной для себя ситуации не могут добиться реального, а не эфемерного политического успеха.

В итоге после президентских выборов марта 2012 г., результаты которых были заранее известны, на смену революционной эйфории пришел термидор. Высший политический класс страны принял решение с помощью административных, медийных, силовых и иных рычагов бороться с лидерами непримиримой оппозиции на фоне спадающей протестной волны и отсутствия имеющегося объективного фактора – федерального электорального цикла. Очевидно, что в данном противостоянии у уличной радикальной фронды практически нет шансов на политический успех. Она может лишь довольствоваться возможностью зарегистрировать в Минюсте собственные карликовые политические партии. Можно предположить, что либерализация партийного строительства, с одной стороны, приведет к созданию множества оппозиционных партий, которые естественным образом дифференцируют оппозиционное движение, тем самым снизив его протестный потенциал, с другой – позволит активным членам общества консолидироваться вокруг легальных политических субъектов, которые смогут конкурировать между собой и приобретать, хоть и не большой, но опыт политической борьбы.

Возможно, в будущем несистемная оппозиция сможет перестать быть таковой и рекрутируется в законодательные органы власти различного уровня при условии, что будет выдвигать реалистичные и конструктивные требования и сможет реально договариваться с представителями политической элиты регионального и федерального уровней.

Турбулентные социально-политические события рубежа 2011-2012 гг. для политологов интересны еще и тем, что они не привели к расколу политической и бизнес элиты на фракции, которые олицетворяли бы прежний авторитарно-монархический курс и новый авторитарно-конкурентный сценарий развития. В 2013 г. и в последующие годы ожидать от политического истеблишмента серьезных действий, направленных на либерализацию сложившегося монархического авторитарного порядка, вряд ли следует, если, конечно, не произойдут какие-либо события глобального характера (война, резкий социально-экономический коллапс, техногенная катастрофа и т.д.) и/или очередные социальные акции протеста не только в целом обеспеченных граждан, добившихся материального уровня жизни выше среднего, и, соответственно, тех, кому есть что терять и которые хотят демократических перемен (по А. де Токвиллю), но и тех социальных страт, которым нечего терять, кроме «своих цепей» (по В. И. Ленину), представителей которых в России абсолютное большинство.

Характер коммуникаций общества и политического класса является одной из важнейших характеристик политического режима, так как раскрывает подлинный смысл взаимоотношений между социальной и политической сферами. Анализируемые процессы и явления показали, что при определенных политических условиях (федеральный электоральный цикл), связанных с процедурами рекрутирования в состав политической элиты, годами накапливающиеся общественные противоречия (протекающие в большей степени в латентной форме) детерминируют протестные выступления в основном не бедных слоев населения в адрес как самих политических институтов, так и высших должностных лиц страны, их олицетворяющих, что приводит к реконфигурации социально-политических коммуникаций в рамках сложившейся авторитарной консолидации. В результате происходит минимальная, но все же либерализация авторитарной системы власти. В данном контексте уместно привести слова политолога В. Я. Гельмана, который считает, что может сложиться ситуация «электорального авторитаризма, то есть такой формы режима, когда правящие группы проводят частично конкурентные выборы, которые проходят под их жестким контролем в заведомо неравных условиях с многочисленными фальсификациями» [1, с. 18].

Главное, рассматриваемые турбулентные социально-политические события показали, что неравнодушная часть российского общества, при определенных условиях, может выйти из состояния анабиоза, длящегося десятилетие, и начинает приобретать практический опыт политической борьбы, который крайне важен как для самого активного социального меньшинства, так и для элитных кругов, который впоследствии может быть использован различными акторами при формулировании новых политических целей, выборе средств и методов их достижения.

Список литературы

1. Гельман В. Я. Как умирают авторитарные режимы // The New Times. 2012. № 10.
2. Ильичев Г. Декабристы-2011 // Новая газета. 2012. 11 января.
3. Караткевич А. Г. Демократизация политической системы, формирование эффективных институтов разрешения социальных противоречий – важнейшие проблемы модернизации России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3. Ч. 1. С. 79-81.
4. Клямкин И. М., Краснов М. А., Шевцова Л. Ф. В Конституции не должно быть места для вождя // Новая газета. 2012. 11 января.
5. Путин В. В. Демократия и качество государства // Коммерсант. 2012. 6 февраля.
6. Соловей В. Д. «Цветные революции» и Россия // Сравнительная политика. 2011. № 1.
7. Социологические данные [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/confidence-politicians/> (дата обращения: 03.10.2012).

**SOCIETY AND POWER: INTERESTS BALANCE DURING THE PERIOD
OF FEDERAL ELECTORAL CYCLE OF 2011-2012**

Krotkov Vladimir Olegovich, Ph. D. in Political Sciences
Moscow Financial-Industrial University "Synergy"
vladimir-k-78@mail.ru

The author considers the nature of the communications between society and power, which, under certain political conditions (federal electoral cycle) and while social contradictions worsening, determine the protests of the mostly well-to-do population stratum against both political institutions and senior officials that embody them that leads to the temporal reconfiguration of social-political relations within the framework of the existing authoritarian order.

Key words and phrases: power; society; communications; electorate; political participation; opposition; political parties; political regime.

УДК 93/908(470)

Исторические науки и археология

Данная статья освещает деятельность партийных и комсомольских организаций по руководству сферой энергостроения в Рязанской области. В качестве примера рассматривается шефство над строительством Рязанской ГРЭС. Основное внимание в публикации уделяется идеологической и организационной работе среди молодых строителей Всесоюзной ударной комсомольской стройки, обеспечившей рекордные сроки строительства и ввода тепловой станции в эксплуатацию.

Ключевые слова и фразы: энергоблок; электроэнергия; Рязанская ГРЭС; обком КПСС; ВЛКСМ; комсомолец.

Кузьмин Сергей Николаевич

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
Sergej.Kuzmin.52@mail.ru

**ШЕФСТВО ПАРТИЙНЫХ И КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
НАД СТРОИТЕЛЬСТВОМ РЯЗАНСКОЙ ГРЭС©**

Рязанская ГРЭС мощностью 3210 тыс. кВт является крупнейшей в Европе и одной из самых мощных в России. Те, кто начинал ее строить, не могли предположить, что в 1995 г. тепловая электростанция будет признана «лидером российской экономики», дающим около 4% электрической энергии в России.

В 1967 г. Совет Министров СССР принял решение о строительстве электростанции на реке Проня. В феврале 1968 года геодезисты забили первые разметочные колышки и установили табличку с надписью «Здесь будет построена Рязанская ГРЭС». В мае 1968 г. был запущен в эксплуатацию пионерный растворо-бетонный узел. Началось строительство автодороги ГРЭС – Пронск. Пуск в эксплуатацию данной дороги оказал существенное влияние на социально-экономическое развитие всего Пронского района, особенно прилегающих к ней населенных пунктов [5; 6].